

ИНТЕРВЬЮ С ДЖЕФФОМ ТЭЙЛОРОМ

(GEOFF TAYLOR)

Джефф Тэйлор получает памятную медаль в честь 50-летия Победы из рук посла РФ в Австралии

Пожалуйста, расскажите немного о себе, как и почему Вы стали военным моряком?

Я родился в Брэдфорде, графство Йоркшир. Я стал военным моряком, потому что шла война, других причин для этого не было. Нас обучали в бывшем доме отдыха, переданном Королевскому Флоту. Там мы учились грести в плавательном бассейне! Я проходил подготовку как радист, и моим первым кораблем стал траулер, переоборудованный в минный заградитель. На борту негде было спать, и мы размещались в пустой гостинице. Весь наш рацион состоял из ветчины и картофельных чипсов, и мы ели это три раза в день. Верите или нет, я и сейчас могу это есть...

Затем меня перевели в Шотландию, очень красивое место, где я начал службу на одном из 50 американских четырехтрубных эсминцев, переименованном в *Wells*. Если ты был радистом, то чем выше были твои оценки после подготовки, тем меньше был корабль, на которое тебя отправляли служить, так как на нем у тебя было больше ответственности. На эсминце мы сопровождали два минных заградителя, устанавливавших мины в Датском проливе от Гренландии до Исландии.

Во время этого моего первого арктического похода из-за исключительно тяжелых погодных условий я очень страдал от морской болезни. Опытный член экипажа посоветовал мне перебраться на верхнюю палубу, где я прятался от захлестывавших корабль волн под торпедными аппаратами и ел там свой рацион. Нас выручало теплое нижнее белье, согревавшее при температурах до -50 градусов (по Фаренгейту, примерно -10 по Цельсию - ВК) и волнах 80-90 футов (25-30 метров - ВК) высотой. А так мы мерзли и ходили все время мокрыми...

Когда пришло время чистить котлы нашего корабля, меня перевели на эсминец *Wrestler*. Это был старый корабль, построенный в 1918 году. Мы побывали на Средиземноморье и в декабре 1941 года вернулись в Великобританию для нашего первого конвоя в Россию. Это было настоящим кошмаром из-за сильных штормов, морозов, немецких подводных лодок и постоянных атак с воздуха. Большой проблемой было обмерзание орудий и оборудования на верхней палубе лед нужно было постоянно скалывать, чтобы корабль сохранял нормальную остойчивость. Мы скалывали лед каждые 4 часа и проворачивали орудия, чтобы предотвратить замерзание механизмов. Были случаи, когда небольшие суда тонули из-за обледенения, и один раз русский эсминец затонул, так как на его надстройках скопилось слишком много льда. Во время одного из походов с нами был ученый, который экспериментировал с антифризной смазкой. К моменту, когда он оправился от морской болезни, вся смазка, которую он нанес на орудия, была смыта, и он уже не мог увидеть результатов своего эксперимента. Лед не был проблемой на больших судах от крейсера и крупнее...

Я принял участие в семи конвоях в Россию...

В конце концов, наступил день высадки во Франции 6 июня 1944 года. Большинство эсминцев из состава русских конвоев, включая *Wrestler*, приняли в этом участие. В тот день мы подорвались на mine и больше не участвовали в этой операции. После того, как меня подобрали, я вернулся в Портсмут и получил назначение на новый фрегат *Loch Achray*, находившийся в составе Ост-Индского флота до самого конца войны.

Каким было Ваше отношение к Германии в то время и были ли у Вас какие-либо антинацистские чувства?

Мы были очень молодыми ребятами в то время, нам было всего по 18 лет. Мы знали, что Гитлер и Германия хотят захватить Европу. Невилл Чемберлен, наш премьер-министр, был слабым человеком, которым можно было манипулировать. Хорошо, что его сменил Черчилль, без которого Англия сошла бы на нет. Его лидерство, его воля, его речи спасли Великобританию.

Германия? Я не имел ничего против немцев. Проблемой были их вожди и их режим. Антинацистские чувства? Я не очень об этом думал тогда, но в 1937-38 годах мы были встревожены. Немцы маршировали, и стало ясно, что что-то должно было произойти. В конце концов, так и случилось, и наши настроения стали весьма антинацистскими...

Что Вы думали о России перед войной?

У нас было мало информации о России. Мы знали, что у Сталина была, вроде бы, тяжелая рука. Но мы испытали большое облегчение, когда узнали, что Германия вторглась в Россию. Это имело огромные последствия для итогов войны и свело вместе Британию и Россию. Отсюда и начало русских конвоев.

Каковы были Ваши взаимоотношения с русскими?

Мы служили на небольших судах и ни разу не отшвартовались дальше Полярного, а там мало что можно было увидеть. У нас было всего несколько часов на берегу, чтобы немного осмотреться. Местные относились к нам не очень приветливо. Казалось, они не доверяют нам. Мы никогда не общались с ними для этого не было создано никаких условий. Русские не приглашали нас к себе домой, нам не разрешали выходить за пределы небольшого участка, иначе могли быть проблемы с военными или охраной... Я припоминаю более поздний визит, когда что-то изменилось по сравнению с прежними временами. К нам решили отнестись получше и устроили концерт. В нашем конвое был эскортный авианосец, переоборудованный из торгового судна. Концерт должен был состояться в ангаре на борту авианосца, и нам разрешили отправить туда двоих из каждого кубрика. У нас было около 10 кубриков, так что около 20 парней попали на концерт. Я знаю, что один из ребят начал хлопать и свистеть, поскольку не представлял, что в России это вовсе не знак одобрения (*Я пояснил Джеффу, что это относится только к свисту - ВК*).

Какие у нас были отношения с русскими? В какой-то степени, неплохие, но все было очень затруднено из-за языкового барьера. О чем вы будете говорить, если встретите кого-нибудь на улице? Но однажды у нас на борту оказались русские, и это было очень интересно. По двое из них разместились в каждом из наших кубриков. К концу похода мы могли уже много сказать по-русски, а они по-английски, и нам было очень весело. Одному из них я уступил свой гамак. Вообще, они были забавными ребятами. Мы очень хорошо провели с ними время...

Какова была цель их поездки в Англию?

Они направлялись в Англию, чтобы принять и привести домой другой корабль. Им передавали американский военный корабль. В тот день я был в дозоре и наблюдал, как этот корабль подходит к причалу, заметив, что он идет слишком быстро. Он сбавил ход в самый последний момент, но врезался в причал, и во все стороны полетели деревянные обломки! Больше я не видел тот корабль, но та сцена была забавной!

Какой день войны Вам наиболее запомнился?

Вероятно, их было несколько. Я всегда буду помнить день, когда Чемберлен сказал: «Эта страна находится в состоянии войны.» Мы были совсем молодыми тогда, и никто не знал, что с нами будет, и как долго все это будет продолжаться... Другой день, вероятно, первый русский конвой, следующий за ним, день высадки во Франции, когда мы подорвались на mine...

Понравились ли Вам книги *Жестокое Море* и *Корабль Его Величества Улисс*? Не было ли в них некоторых преувеличений?

Мне они очень понравились. В них есть немного преувеличений, но если ты не испытал все это сам... Я помню волны высотой 80 футов и наш корабль, буквально падающий вниз вот так (*Джефф показал, как корабль падает на нос почти вертикально - ВК*)... Мыть кубрик нам приходилось втроем - один держал ведро, другой швабру, третий мыл пол. Мы были измождены и очень мало спали. Кое-что преувеличено (*в книгах - ВК*), но, в основном, это было правдой. Я бы не сказал, чтобы отношения между капитаном и командой были столь близкими. Мы знали друг друга, но капитана видишь не очень часто: у тебя своя работа, свои офицеры, не так уж много над тобой надзирают, и ты делаешь свое дело.

Жестокое Море... Я думаю, такое могло случиться, я полагаю, что Вы имеете ввиду оказавшихся за бортом (*торговых моряков с торпедированного транспорта, убитых глубинными бомбами британского корвета - ВК*)... Подводная лодка была важнее. Это было только в ту войну. Такое могло случиться...

Но эти моряки были иностранцами, и, если Вы помните, это подчеркивается в фильме... А вы помните иностранцев в составе конвоев? Откуда они были?

Какое-то количество было. Я помню норвежцев.

Французы? Поляки?

С нами вместе ходили французские и польские суда. В экипаже были люди, которые помогали преодолевать языковой барьер.

В книге *Жестокое Море* упоминаются австралийцы. Вы припоминаете австралийцев в своем экипаже?

Да, двое или трое на нашем эсминце. Это было обычным делом.

Довелось ли Вам повстречать своих бывших врагов или союзников после войны?

Нет, не довелось.

Я вернулся в Англию и пошел служить в полицию. С работой в то время было плохо. Не были нужны рабочие на заводах по производству боеприпасов и тому подобное. Многие предприятия были разбомблены, например, автозаводы.

Я работал в Ист Энде (*р-н Лондона - ВК*), который был беспокойным местом. Мне не посчастливилось получить работу в подразделениях, которые действовали в богатых районах Лондона.

На моем участке проходили политические митинги. Это был район, где жило много евреев. На митингах выступал один парень, правая рука Освальда Моузли (*лидер британских фашистов - ВК*), звали его Джеффри Хэм. Позднее от него избавились, так как с ним было много проблем. Помню, в одной из речей он говорил: Нет такого понятия - британский еврей, эскимосский еврей или немецкий еврей. Есть только один еврей - еврейский еврей, и нам он не нравится. Толпа взорвалась, началась драка... Я сказал невысокому еврейскому парню, который стоял рядом со мной: «Катись отсюда. Гляди, здесь будет большая потасовка. Катись, пока я сам тебя не выкинул!» Я сказал ему это два или три раза, затем схватил этого придурка, но он ударил меня по ногам. В конце концов, он получил 4 месяца тюрьмы за нападение на полицию...

В конце концов, в 1946 году я переехал в Австралию и начал служить здесь полицейским. Дома не было будущего.

Пожалуйста, расскажите, что считаете нужным, о войне?

Вспоминается один из атлантических конвоев. Я никогда не добирался до Америки. Мы проходили полпути и возвращались назад. Один случай запал в память до конца жизни. Транспорт был торпедирован, мы подобрали команду, и несколько позднее я разговорился с одним из них. Он был из Ливерпуля, и конвой отправлялся туда. Жалованье и тому подобное вот что мы обсуждали, и он сказал, что ему прекратили выплачивать жалованье в тот момент, когда его судно было торпедировано. Я не поверил своим ушам, но потом спросил многих других и выяснил, что это было в их контрактах. Тот парень потерял все, и я никогда этого не забуду. Что за гнилая система была у нас, раз такое могло происходить!

Условия на судах были тяжелейшими. Теснота была основной проблемой на эсминцах. Команда по численности превышала команду мирного времени вдвое. Вахты длились четыре часа, четыре часа мы отдыхали, и это было самое долгое, что отводилось для сна. Моим первым эсминцем был *Wells* американского производства, хороший корабль. В зависимости от срока службы на корабле улучшалось и спальное место. Новички спали в гамаках, затем на рундуках, затем на столах, затем на нарах. Я после первого дождя был весь мокрый, вода проникала через люк... Я провел год на корабле и продвинулся до рундуков.

Другой проблемой на американских эсминцах была сера, которую засасывало внутрь через вентиляторы (кондиционеров не было). Мы просыпались из-за этого больными.

На эсминцах был один кок на 180 человек. Каждый моряк получал определенные продукты со склада: муку, изюм, чай, кофе, сахар. Мы относили их на камбуз, где нам готовили еду. В конце месяца мы получали счет от столовой на сумму, потраченную на еду. Если потратил немного, то на твоём счету оставались деньги. Верите или нет, в конце месяца у нас оставались сбережения. Но сама еда на судах была отвратительной.

А как вы питались по сравнению с гражданским населением Великобритании - лучше или хуже?

Намного хуже. В шотландских портах Глазго или Клайд мы получали хлеб и брали его как можно больше. Через пару дней он плесневел. Мы клали его в миски и ели с сахаром и изюмом - так мы питались. На некоторых судах, особенно на крейсерах, пекли хлеб и что-то отдавали на эсминцы. Но мы всегда были примерно в 7 милях от крейсеров, и нам ничего не перепало.

Еда была отвратительной, но если вы хотели, то можно было купить что-то сверх рациона. Особенно плохо было вначале, потом стало лучше. На еду нам отпускалось около двух шиллингов в день.

Ну а как насчет спиртного?

Нам выдавали стопку рома ежедневно в 11 часов утра. Совсем чуть-чуть, около 50 грамм. В него добавляли воду, чтобы после этого ром нельзя было долго хранить и скопить побольше выпивки. Только ради этого и стоило жить! Верите или нет, но в 11 часов утра наступал самый радостный момент каждого дня!

Самое долгое, что удавалось проспать, было три часа. Были у нас проблемы и с питьевой водой. Я вспоминаю случай в Средиземном море в походе, связанным с вторжением на Сицилию. У нас был только один кран, и он был заглушен. От кого-то я узнал, что если ударить по нему снизу и покачать, то можно извлечь глоток воды. В тот день было особенно жарко. Я был на вахте с 8 часов вечера до полуночи. На корабле было тихо, все были

внизу. Я ударил по крану и начал качать воду, но тут появился вахтенный офицер и спросил: «Что вы делаете, Тэйлор?» Я получил семидневное наказание - меня полностью лишили свободного времени. Это было самое суровое наказание, которое можно было получить на корабле, и это за кражу глотка воды.

Было ли это оправдано, как Вы думаете?

Скажу так, это был кошмар. Мне не следовало бы этого делать, и я знал, что это был дурной поступок. Настолько были тяжелыми бытовые условия! Теперь такое невозможно - нехватка питьевой воды на корабле. Слишком много людей было на корабле, намного больше, чем то, на которое оно было рассчитано.

Можете ли вы рассказать о какой-либо боевой ситуации, охоте на подводную лодку или бое с самолетами противника?

Первое, что вспоминается, - вторжение в Сицилию. Один из линкоров, кажется, *Warspite* начал обстрел. Был страшный шум, как будто пронесся поезд - шум снарядов, летящих над нашим кораблем на высоте примерно шестьсот футов...

Вспоминается смешной момент во время нашего первого конвоя в Россию. Мы все принесли на борт выданное нам теплое белье. Один из кочегаров, бывший жокей, был очень маленького роста. Когда ему выдали его кальсоны, он, стоя на столе в кубрике, умудрился застегнуть их у себя над головой! Ох, и смеху было в кубрике!

Моральный дух был очень высоким, однако, некоторые офицеры-резервисты были довольно суровы с нами, они выходили из себя по любому поводу, даже самому незначительному, например, увидев отлетевший кусок краски и т.п.

У нас были проблемы с немецкими самолетами большого радиуса действия, которые кружили над конвоями вне досягаемости наших зениток. Они передавали на подводные лодки наши координаты. Как-то раз старший офицер сказал мне: «Передай этому мерзавцу, чтобы он делал свои облеты в противоположном направлении, а то у меня от него голова кружится». И немец так и сделал! Это было забавно.

Как-то мы вернулись на базу Скапа-Флоу в Шотландии, и один из ребят узнал, что вся его семья погибла во время бомбежки Лондона. Поэтому, когда мы были в походах, никаких новостей из дома по судовому радио не передавали, хотя радисты могли узнавать новости из Англии. Все это делалось для того, чтобы не подрывать моральный дух экипажа. Передавали только хорошие новости. Приходили известия о потопленных эсминцах из других конвоев, так что посмотришь на стенку корпуса корабля рядом с собой и подумаешь, что между тобой и следующей торпедой только четверть дюйма металла...

Нам выдавали шоколад, в котором были комья белого жира. Каждый моряк имел нож, который ему полагалось носить с собой, и мы строгали ими шоколад, чтобы приготовить горячий напиток. Как-то пришла моя очередь идти на камбуз за кипятком, и, когда я спустился на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей в камбуз, корабль сильно качнуло. Я схватился за пиллерс, чтобы удержаться на ногах. Когда я вернулся назад с кипятком, один из парней спросил меня, откуда столько крови? Оказывается, моя ладонь примерзла к пиллерсу и с нее сорвало кожу, так как на мне не было перчаток. И я не мог обратиться за медицинской помощью, так как я должен был иметь на руках перчатки!

В Полярном мы стояли вахты по ночам и патрулировали причал вблизи нашего корабля. Однажды ночью я заметил довольно крупного медведя между ящиками с грузами. Я пошел за помощью, чтобы избавиться от медведя, но, вернувшись, мы увидели, как русские уводят медведя к себе на эсминец, так как это был их талисман!

ИНТЕРВЬЮ С ТЕДОМ СЛИНДЖЕРОМ (TED SLINGER)

Пожалуйста, расскажите немного о себе.

Я родился в Англии в графстве Йоркшир в мае 1921 года. Уже в детстве я хотел служить в Королевском Военно-Морском Флоте. Тем не менее, тогда это было невозможно, и уже в 14 лет я работал учеником мясника. Мой заработок был необходим для моей семьи, поскольку у меня было две младшие сестры-школьницы. Жизнь была нелегкой, мы переживали тяжелые времена.

Только в 1939 году сбылась моя мечта. На флот в возрасте 16 лет попал и мой двоюродный брат Лесли, с которым мы были очень близки. Он служил на линкоре *Barham* и позднее погиб на Средиземном море.

Помню, как премьер-министр (*Чемберлен* - ВК) вернулся из Мюнхена, размахивая листком бумаги и говоря, что он обеспечит мир на все времена, и как мой отец сказал, что он - чертов дурак, раз он верит тому, что для Гитлера эта бумажка что-то значит. Так в 1939 году я пошел добровольцем на флот, в первую же неделю войны в возрасте 18 лет. Мой отец тоже служил в военно-воздушных силах: он обучал летчиков обращению с почтовыми голубями, в случае, если их самолет будет сбит. Он на протяжении многих лет был любителем голубей, а во время Первой Мировой Войны в 18 лет пошел в армию.

Мы считали своим долгом защитить нашу любимую Англию от вторжения, если Гитлер встанет на путь войны.

Как Вы проходили боевую подготовку?

Я проходил подготовку на *HMS Raleigh* в Торпойнте (графство Девон). Затем я был переведен в Портсмут и, ожидая назначения на корабль, выразил желание служить на небольшом эсминце. Моя просьба была удовлетворена. Портсмут, как и многие другие британские города, подвергся ожесточенным бомбардировкам. Во время одной из бомбежек нас послали спасать людей, которые не могли выбраться из разбомбленных домов. Вернувшись в казармы, мы узнали, что одна из бомб попала и в них, прямо в бомбоубежище, и 12 девушек, которые тоже служили во флоте, погибли...

После этого я на корабле *Maidstone*, плавучей базе подводных лодок, отправился в Гибралтар для того, чтобы стать членом команды эсминца *Faulknor*, который стал моим домом на следующие три с половиной года.

Какие обязанности вы исполняли на корабле?

У моряка обычно различные обязанности. Я был рулевым, одним из четверых, которые управляют кораблем в море, и был вахтенным во время стоянок в портах. Я был также старшим в команде, которая смотрела за такелажом и выполняла ремонтные работы на верхней палубе. В боевых ситуациях я был наводчиком орудия *N1* (носовое орудие).

Пожалуйста, расскажите о боях, в которых Вы участвовали.

Боев было много. Я участвовал в бою уже в мой первый день на эсминце *Faulknor*. Мы входили в состав группы *H*, которая действовала в Западном Средиземноморье и Бискайском заливе. В нее входили линейный крейсер *Renown*, авианосец *Ark Royal*, крейсер *Sheffield* и 8-я миноносная флотилия, лидером которой был *Faulknor*.

Эсминцы перехватили немецкий корабль со многими военнопленными - британскими торговыми моряками. Увидев нас, немцы посадили пленных на шлюпки, покинули судно и затопили его. Это был *Alsator*, близнец судна *Altmark*, которое было захвачено британцами у берегов Норвегии. С пленными на *Alsator* обращались хорошо, и они попросили нас обращаться с немцами на том же уровне. У нас на борту оказалось много немцев, нам с ними предстоял двухдневный путь до Гибралтара. Мы подружились со многими из них: они были такими же парнями, как мы, и они просто делали то, что им говорили их вожди. Некоторые из них до сих пор входят в ассоциацию *Faulknor* и посещают наши ежегодные встречи.

Как вы лично относились к немецким пленным?

Мы приняли участие в потоплении 10 или 12 немецких подводных лодок во время войны. Между тобой и торпедой было всего лишь вот столько стали (*Тед развел большой и указательный пальцы на несколько сантиметров - ВК*). Но у меня не было враждебных чувств к немцам. Они делали свою работу, мы свою. Помню одного настоящего нациста, но о нем никто и не беспокоился, он был просто одним из пленных. Немцы с *Alsator* были очень испуганы. Я помню, один из них спросил: «Вы собираетесь *трр-р-р* (*расстрелять - ВК*) нас?». Мы ответили: «Нет, конечно нет. Англичане не сделают этого. Через Красный Крест передайте своим родителям, что вы в безопасности.»

Нашей главной задачей было снабжение Мальты продовольствием и доставка самолетов, которые перелетали туда с авианосца *Ark Royal*. Продовольственные конвои были очень опасными, и мы постоянно подвергались атакам итальянских и немецких самолетов.

Группа *H* также приняла участие в потоплении линкора *Bismarck*. В 1941 году, после многочисленных бомбовых атак и взрывов у самого борта корабля, *Faulknor* был возвращен в Англию для ремонта и последующих конвоев в Россию.

Каковы были условия службы в этих конвоях?

Жизнь была тяжелой на таких небольших кораблях как эсминцы, фрегаты и, особенно трудной, - на тральщиках. Волны часто достигали высоты 15-20 футов, а зимой температура опускалась до -30 градусов. Конвои были постоянно под угрозой атак вражеских самолетов и подводных лодок. Много судов было потоплено.

В море нам приходилось все время обкалывать лед с орудий и прокручивать их вращательные механизмы, чтобы они все время были в рабочем состоянии. Каждые 4-5 часов мы скалывали лед с палубы и надстроек. На больших судах это не было проблемой, а вот один русский эсминец затонул со всей командой из-за обледенения.

Думаю, что у них самих не было большого опыта...

Наверное. Они не очень часто выходили в море, чтобы помочь нам. Всего пару раз...

А страшно было идти в составе конвоев?

Я не помню состояния страха как такового, но мы часто находились в напряжении. Я пошел на флот драться и усвоил то, что это от меня и требовалось. Я больше думал о том, что случится с моей семьей, если мы проиграем войну. Думаю, что самым трудным на войне было бороться с тяжелейшими бытовыми условиями настолько же, насколько с очень сильным противником...

Немецкие тяжелые боевые корабли базировались в Норвегии на небольшом расстоянии от конвойных путей. *Tirpitz* - самый лучший боевой корабль в те времена - и корабли поддержки были постоянной угрозой.

Какой конвой оказался для Вас наиболее насыщенным боевыми действиями?

Это был, несомненно, конвой PQ18, во время которого происходили крупнейшие морские и воздушные бои из имевших место до того времени... От атак торпедоносцев мы потеряли 8 из 9 судов из расположенной по правому борту колонны всего за 15 минут. На другой день погибло последнее судно - это был транспорт с боеприпасами, и из команды не спасся никто. Всего мы потеряли 13 судов - немцы потеряли много самолетов.

И в скольких арктических конвоях Вы участвовали?

Я участвовал в 21 конвое.

Где Вы базировались в России?

Малые корабли не заходили в Мурманск или Архангельск, мы оставались в Полярном (бухта в Кольском заливе - ВК). Для нас это было малоприятным местом, но мы не стояли долго, самое большое 4 или 5 дней.

Какое впечатление у Вас оставили русские?

Там было очень мало гражданских, у нас было очень мало шансов общаться с ними, так как по причалу ходили патрули, которые держали людей на расстоянии. Один раз вблизи корабля оказалась маленькая девочка, одетая в меховую шубу, ей было всего 5 или 6 лет. У некоторых из нас был шоколад, который они сохраняли для своих собственных детей, и они предложили ей его. Она глянула через плечо на (советского - ВК) солдата, который внимательно следил за ней, и отказалась. Я подошел к солдату, предложил ему сигареты и кивком головы попросил отойти. Он так и сделал, и девочка взяла шоколад... Больше она не приходила

Некоторые из нас получили приглашение посетить местный зал собраний - большой барак из дерева и железа, в котором для нас дали концерт танцоры - прекрасный концерт. Там же я увидел двух мальчишек, игравших в шахматы. Я сыграл с одним из них, и он обыграл меня за 5 минут! Я дал ему плитку шоколада и сказал: «Это тебе за победу.»

В 1942 году мы пришли в Полярное под Рождество, при этом за три дня до прибытия у нас кончились продукты. Но кто-то в Англии побеспокоился о нас в связи с праздниками и прислал на крейсерах из прибывшего позднее конвоя продукты. У нас стало навалом хорошей еды, мы хорошо отметили праздник и на другой день после Рождества некоторые из нас отправились на соседний с нами русский эсминец со своей едой: индейками, пудингами, бисквитами, пивом и ромом (у них ничего этого не было), чтобы отметить праздник с русскими моряками, которые были очень дружелюбны по отношению к нам.

То есть, у Вас с продовольствием было лучше?

Да, намного лучше.

А как вы общались?

Ну как: ты - я, жестами. Было весело. Я так напился русской водки, что одному здоровенному русскому пришлось тащить меня обратно на эсминец, так как было мое время заступать на вахту...

Тэд, а была ли у вас ненависть к нацистам до войны и во время войны?

Да. Я ненавижу нацистов, потому что это были фанатики, мечтавшие править всей Европой. Однако, многие немецкие моряки, которых я встречал, были такими же парнями, как и мы, и мы довольно хорошо общались друг с другом.

Что Вы знали о России до войны? Что Вам говорили о России в школе или в средствах массовой информации?

Я мало знал о России, помню только, что она была на карте, но о политике в сталинские времена я знал мало. Покинув школу в 14 лет, я не интересовался политикой. У меня не было желания посетить Россию, хотя я очень интересовался остальным миром и именно поэтому хотел поступить на службу в военно-морской флот. Во время войны мы все восхищались тем, как русские, невзирая ни на что, сражались в Сталинграде.

По мере того, как развивались события во время войны, мы узнавали больше о Сталине и о том, какова была жизнь при нем. Нам он не нравился, но мы понимали, что ему надо было помочь. Я помню, как-то раз Черчилль прибыл на борт одного из больших кораблей, и нас отправили слушать его. Я не хотел, но пришлось идти. И он сказал: Я не согласен с Россией, но нам нужно помочь им для того, чтобы помочь самим себе...

Он сказал об этом открыто?

Да, он не скрывал своей позиции.

И вы, молодые парни, тоже думали так же?

Думаю, что да. У нас не было враждебности, но была отстраненность. Русские не были открыты и относились к нам с настороженностью, но моряки были очень дружелюбны, они таковы везде и всюду.

Какой день войны Вам более всего запомнился?

Хоть я видел много боев на разных театрах войны, более всего мне запомнился день, когда шесть эсминцев были посланы перехватить *Tirpitz*. Нам приказали атаковать и торпедировать его. Шесть небольших эсминцев против такого мощного корабля, сопровождаемого другими большими кораблями и эскортом эсминцев! Я сомневался в том, что мы выживем, тем более мы знали, что немцы были такими же хорошими артиллеристами, как и мы. Тем не менее, из-за разных обстоятельств, мы не вступили в

бой, были атакованы множеством *Штук* и, позднее, самолетами *Ю-88*. Мы избежали потопления и вернулись на базу.

Помню чувство удовлетворения оттого, что удалось спасти Мальту от вторжения и голода, мое чувство радости, когда мы встретили капитулировавший итальянский флот и эскортировали его на Мальту.

Я думаю, вы читали книги *Жестокое Море* и *Корабль Его Величества Улисс*. Понравились ли Вам книги, и нет ли в них каких-либо преувеличений?

Я не читал *Улисса*, но *Жестокое Море* было очень реалистичным и хорошо отразило жизнь на эсминцах. Некоторые из американских фильмов (*о войне на море* - ВК) были дрянными...

Что Вы можете сказать о ситуации в *Жестокое Море*, когда немецкая подводная лодка была атакована глубинными бомбами в тот момент, когда в воде были моряки с потопленного транспорта союзников?

Об этом могли доложить в одном из рапортов, но склонен думать, что такое могло и не случиться. Приняв участие во многих сходных атаках, я полагаю, что мы бы подождали, поддерживая контакт на АСДИКе до того момента, пока моряки не были бы спасены. Хотя обстоятельства на войне заставляют капитанов принимать трудные решения, я не думаю, что был хоть один британский капитан, который мог бы сделать это...

Расскажите о бытовых условиях на эсминцах?

Мы жили в очень тяжелых и стесненных условиях. Мой кубрик был 18-20 футов длиной и примерно 8 футов шириной, в нем жили 20 человек со своими рундуками, каждый размером в квадратный фут. Они были расставлены вдоль стен и служили стульями. На еду нам полагался 1 шиллинг и 11 пенсов в день. Если ты съедал меньше, тебе причиталась разница, если больше, приходилось доплачивать. В море условия были тяжелейшими: воды на фут на жилой палубе и вечно засорившийся галюн, что временами делало запах ужасающим. Условия для сна надо было видеть, чтобы поверить этому. Но даже и в этих условиях дух товарищества был очень силен, и все держались друг за друга... Еда обычно кончалась через 4-5 дней после выхода в море, и после этого мы сидели на бисквитах.

Во время вторжения в Сицилию у нас была такая нехватка продуктов и питьевой воды, что мы послали делегацию к капитану, которая передала ему, что мы крайне недовольны тем, что плановики забыли о том, что моряков надо кормить. Он и сам сидел без еды и послал донесение в Адмиралтейство. После это снабжение улучшилось...

Спасибо, Тэд. Жаль, что у моего отца, который тоже воевал против нацистов, не было возможности встретиться и поговорить с таким человеком, как Вы.

ИНТЕРВЬЮ С БЕНОМ ТИТЕРИДЖЕМ

(BEN TITHERIDGE)

Пожалуйста, расскажите о себе, о том, как Вы стали военным моряком?

Я родился в Портсмуте, в Англии в 1920 году. Мой отец был военным моряком, и я вырос, можно сказать, в военно-морской среде, так как Портсмут был главной базой британского флота. Когда я был мальчишкой, я жил возле пляжа. Я ходил купаться в море и видел военные корабли, входящие и выходящие из бухты. В 11 лет я поступил в военно-морскую школу, и, конечно же, всегда строил планы пойти служить на флот, когда придет мое время. Я так и сделал, пройдя медосмотр и став учеником механика. Я прослужил два года учеником, а когда в 1939 году началась война, ушел в море и провоевал всю войну.

Я прослужил механиком в машинном отделении всю войну, и мне повезло, - я не побывал за бортом (*Бен смеется*).

Каковы были Ваши чувства по отношению к Германии в то время?

По отношению к Германии? Они воевали против нас, и мы воевали против них. Желание защитить свою страну - вещь естественная. Я ушел в море, и это было то, что требовалось от меня.

А что вы думали тогда о России?

Я даже и не думал о России до войны. Я знал, что есть такая страна, большая страна, не очень богатая, и что управлял ею диктатор... Мы знали, что она была не очень демократичной.

Были ли у Вас антинацистские чувства?

Скорее, нет. Все знали, что их цель - экспансия. Но кроме этого политического момента ничто другое не имело значения. Началась война, и я уже был во флоте.

На каких кораблях Вы служили, и каковы были Ваши обязанности?

Моим первым кораблем был эсминец. Я служил в машинном отделении и занимался техобслуживанием и ремонтом двигателя. Это был сравнительно небольшой и славный корабль *Hotspur*. Я был всего лишь молодым механиком и все еще проходил подготовку. Потом я получил квалификацию судового механика.

Приходили ли Вы в СССР?

Я посетил порт Мурманск, когда уже служил на крейсере *Sheffield*. Я участвовал в нескольких Арктических конвоях и выходил на берег в Мурманске. Было сыро, холодно, шел снег, и делать было особенно нечего. Так что мы просто вышли прогуляться и потом вернулись на борт. Никаких встреч с красивыми девушками.

Этот вопрос часто задают: были ли у Вас шансы пообщаться с русскими девушками?

Нет, что Вы. Они были необщительны и, на самом деле, не проявляли к нам интереса.

Встречались ли Вы с русскими?

Да, у нас на борту русские дали концерт в ангаре для самолета *Walrus*, который был у нас на палубе. Это был действительно великолепный концерт.

Удалось ли Вам поговорить с русскими моряками?

Нет. Мы хорошо относились друг к другу, не было никакой враждебности. Они были союзникам, и мы им помогали. Я не думаю, что русские стремились общаться с нами. Казалось, они хотели держаться на дистанции. Мы не говорили по-русски, их английский был не настолько хорош... Офицеры, вероятно, общались более тесно.

Какой день войны Вам наиболее запомнился?

Думаю, день начала войны - 3 сентября 1939 года (*дата объявления войны Германии Соединенным Королевством - ВК*).

В реальности Англия вступила в войну, потому что Гитлер вторгся в Польшу. На саму Англию никто не нападал. Как Вы считаете, это было правильным шагом Вашего правительства?

Да.

Какое впечатление у Вас оставили книги *Жестокое Море* и *Корабль Его Величества Улисс*?

Я прочел эти книги и счел их вполне реалистичными.

Есть ли в них какие-либо преувеличения относительно тягот жизни на кораблях во время Арктических конвоев?

Пожалуй, нет, но на эсминцах условия были получше.

Лучше?

О да. Это меньший по размеру корабль, все знают друг друга, у всех со всеми хорошие отношения....

Пожалуйста, расскажите еще что-нибудь об условиях жизни на крейсере *Sheffield*?

В нашем кубрике было около 30-40 механиков. Было много работы: вахты, ремонт. На небольших кораблях была более мягкая обстановка: в кубрике всего 4-5 механиков и ты всех знаешь: всего 150 человек по сравнению с 800 на крейсере.

Я спрашиваю об этом, потому что Джефф Тейлор и Тед Слинджер много рассказывали мне о тяготах жизни на эсминцах, о том, как они мерзли, ходили мокрыми, какой отвратительной была еда...

Но на небольших судах все знают друг друга, это гораздо приятнее.

А Вам приходилось скалывать лед с верхней палубы и надстроек?

Нет, его смывали паром под давлением из шланга.

Я слышал, что британские суда были во время войны переполнены моряками, так как на них было гораздо больше оборудования, чем изначально было спроектировано?

О да. Гораздо больше людей, чем было бы в мирное время, однако жизнь была достаточно комфортабельной. В смысле еды на эсминцах был больше выбор, лучшие условия. Если у вас был хороший повар, то питание на эсминцах было лучше, чем на крейсерах.

А как Вы питались по сравнению с гражданским населением Англии? Кому было лучше?

Думаю, что нам. Конечно, и нас ограничивали, но не столь строго.

А как насчет спиртного?

Нам выдавали чарку в день - около 70 грамм. Рядовым давали гог - разбавленный ром. В офицерских столовых пили неразбавленный ром, что было намного лучше. Хоть это и не разрешали, но ром можно было скопить в бутылке.

Еще один вопрос по книге *Жестокое Море* о ситуации с моряками с потопленного транспорта и атакой на подводную лодку. Была ли эта ситуация реальной?

Такое могло случиться. Если был четкий контакт с подводной лодкой, ее нужно было атаковать. Потопить субмарину было более важным делом.

Были ли у Вас на борту во время войны немецкие военнопленные?

Я помню, мы подобрали как-то из воды немецкого летчика. Его просто подняли на борт, убедились в том, что он в полном порядке, устроили, а когда пришли в порт, передали его военным.

А что Вам еще запомнилось?

Я помню, что как-то мы базировались в Гибралтаре в 1942 году, и нам приказали идти к берегам Северной Африки. Нашей задачей был перехват и досмотр любых грузовых судов, направляющихся в Северную Африку. Когда мы стали останавливать их и опрашивать, они были еще в пределах своих территориальных вод, и береговые батареи стали открывать по нам огонь. Вишистам наша деятельность не понравилась, и, когда мы направились назад в Гибралтар, они послали самолеты, чтобы те отбомбились по нам. Они бомбили нас всю дорогу до Гибралтара.

Были ли попадания?

Нет. Когда мы пришли в Гибралтар, командующий базой сказал: «Вы их привели сюда - вы от них и избавляйтесь.»

Я был в двух походах на *Hotspur*. Во время первого похода мне было всего 19, мы дошли до Норвегии и приняли участие в первом сражении у Нарвика. (*Бен показал карту на стене - ВК*). Вот первое сражении у Нарвика, вот *Hotspur*.

Получил ли эсминец какие-либо повреждения?

О да, после 7 прямых попаданий мы потеряли около 17 человек убитыми.

Потеряли Вы кого-нибудь из своих приятелей?

Нет-нет. Это были, в основном, моряки. Машинное отделение обычно в лучшем положении - оно защищено.

Высок ли был боевой дух? Ведь война только началась...

О да, боевой дух на британском флоте был всегда силен.

Немцы понесли тогда тяжелые потери. Брали ли Вы моряков с потопленных судов на борт?

Да, я помню, как мы взяли их на борт, чтобы отвезти в британский порт.

Довелось ли Вам поговорить с ними?

Нет-нет. Их держали под охраной. После этого я служил старшим механиком, в основном, в составе конвоев, направлявшихся в Канаду и ходивших между Ирландией и Ньюфаундлендом.

Вы служили на крейсере *Sheffield* - знаменитом корабле, который принял участие в охоте на *Bismarck*. Знали ли Вы о том, что это был самый мощный военный корабль в мире в то время?

Конечно. Мы следовали за ним, и когда туман рассеялся, он дал по нам залп.

Страшно было?

М-м-м. Вообще-то, да. Корабль был в бою, и мы слышали разрывы, похожие на разрывы глубинных бомб. Я был свободен от вахты в машинном отделении и находился в составе команды, отвечающей за устранение повреждений в носовой части корабля (*таких команд было три - ВК*). Один их близких разрывов разбил стекло на портретах Короля и Королевы, висевших на стене в офицерской кают-компании. Немцы были хорошими артиллеристами. (*Бен показал фото двух разбитых покосившихся портретов на стене с шрапнельными пробоинами - ВК*).

А Вы знали, что на вашем крейсере установлен новый радар?

Да, конечно. Мы были на одном из двух кораблей с радаром, еще один, полагаю, был на *Rodney* (*британский линкор - ВК*). Он был у нас на мачте, его можно было видеть. Мы знали, что по этой причине Шеффилд был очень важен для гибралтарского отряда группы кораблей *H*.

Припоминаете ли Вы атаки пикирующих бомбардировщиков - Штук?

Нет, я таких не помню, но нас атаковали итальянские высотные бомбардировщики на Средиземном море. Они хорошо бомбили с большой высоты. Мы не получили никаких повреждений только благодаря тому мастерству, с которым управлял кораблем капитан. Моряки, находящиеся на вахте, докладывали о всех атаках, и капитан менял курс. Не было бы этого, бомбы угодили бы в нас...

Мне повезло: мне не пришлось плыть, чтобы выжить...

АВСТРАЛИЙЦЫ В АРКТИЧЕСКИХ КОНВОЯХ:

Интервью с Лори Дауни (Laurie Downey)

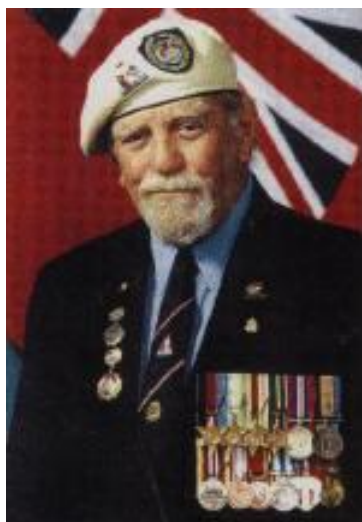
Несколько десятков австралийцев приняли участие в проводке конвоев в северные порты СССР в годы Второй Мировой войны. Они служили на кораблях британского ВМФ и на транспортных судах. Двое австралийцев – Джек Уайт и Филлип Пауэр - упоминаются среди участников проводки печально известного каравана PQ17, из 35 судов которого до советских портов дошло лишь 11. Австралийцы были курсантами офицерских курсов и проходили практику на судах охранения. После разгрома конвоя Филлип Рентон приобрел известность, написав гневное письмо в штаб британского ВМФ. В письме он выразил возмущение безответственностью политиков, приказавших судам эскорта бросить транспорты на произвол судьбы...

В столице Западной Австралии – Перте – жил один из немногих австралийцев, участвовавших в проводке арктических конвоев в СССР в годы Второй Мировой войны. Его имя – Лоренс (Лори) Дауни. Он родился в Перте в 1926 году в пригороде Мосман Парк в семье со строгими католическими традициями. В начале войны он был школьником и всегда помнил, как уходили на армейскую службу ребята, которые были на несколько лет старше его. В его доме на стене висели фотографии погибших земляков из его пригорода – пехотинцы, летчики, моряки, многих из которых он когда-то знал. В их числе – несколько моряков из трагически погибшей команды знаменитого австралийского крейсера *Sydney*...

В 1943 году в возрасте 16 лет Лори (на фото слева он в 1943 году) ушел из католической школы и нанялся на норвежский танкер *Marathon*. На норвежских судах, не вернувшихся в порты приписки после оккупации Норвегии в 1940 году, всегда не хватало моряков, поэтому в команде нашлось место и для подростка. Около двух лет Лори служил на этом судне. Ему повезло увидеть много стран, в том числе, в 1944 году, - и Россию. Но, главное, ему удалось выжить. Многим его коллегам повезло меньше – их корабли были потоплены немецкими или японскими подводными лодками или самолетами.

Лори Дауни испытал и попробовал в жизни очень многое. После войны он был профессиональным боксером, монахом, удачливым бизнесменом, всю жизнь оставаясь ревностным приверженцем католицизма. Он умер в 2004 году.

Лори Дауни в 1999 году. Белый берет - "униформа" участников арктических конвоев

Вниманию посетителей сайта предоставляется интервью с Лоренсом Дауни, взятое у него в начале 2000 года, и несколько страниц из его неопубликованной автобиографической книги.

Лори, почему Вы стали моряком торгового, а не военно-морского флота?

Я был слишком молод для военной службы, поэтому и стал моряком торгового флота.

Где ходил ваш корабль до того, как присоединиться к арктическим конвоям?

Танкер *Marathon*, на котором я ходил в Мурманск и Архангельск во время Второй Мировой войны, совершал рейсы между Карибскими островами и США.

Каково было Ваше восприятие СССР до 1941 года? Как на него повлияли антикоммунистические настроения в Австралии в 1939 - начале 1941 годов во время существования советско-германского пакта?

Будучи школьником, я не думал слишком много о политике. Однако, обучаясь в католической школе, я вырос с убеждением, что «безбожный коммунизм» является злом и намеревается разрушить религию. Нас приучили верить в то, что Россия является родиной коммунизма, который угрожает всему миру.

Изменилось ли это восприятие в 1941-43 годах, до того, как вы побывали в России?

Нет, не изменилось, и мне было жалко русских людей, которые были обмануты «безбожным коммунизмом».

В скольких арктических конвоях вы приняли участие?

Я принял участие в двух русских конвоях - *JW 61* and *RA 62* (обратный конвой – В. К).

Как проходили эти конвои по сравнению с другими маршрутами, например, Великобритания – США?

Во время проводки русских конвоев нас атаковали торпедоносцы и бомбардировщики. Нас все время преследовали подводные лодки, но мы их не видели, а каждый день слышали постоянные взрывы глубинных бомб. Во время проводки всех остальных конвоев, в которых я принял участие, были только атаки подводных лодок.

Расскажите о самом страшном для Вас дне войны.

12 декабря 1944 года я никогда не забуду. Нас атаковали самолеты, базирующиеся в Норвегии. Все небо от горизонта до горизонта было освещено вспышками орудийных выстрелов и трассами снарядов и пулеметных очередей. Несомненно, для меня это был самый ужасный день войны.

Какое впечатление произвели на Вас Мурманск и советские люди?

Я провел в Мурманске всего несколько часов, так как мое судно шло дальше на восток в нефтеналивной порт Архангельска Молотовск. Именно там я впервые встретился с русскими людьми. Я поранил руку, и мне пришлось идти в местный госпиталь. В госпитале меня очень тепло встретили русские, ждавшие в очереди приема у врача. Они пропустили меня в начало очереди, так как знали, что я иностранный моряк. В знак благодарности я раздал им несколько пачек сигарет, которые принес с собой в виде «валюты», поскольку сам не курил. После того, как врач обработал мою рану, я сбегал на корабль и снова вернулся в госпиталь, подошел к очереди и раздал несколько упаковок с маслом, шоколадом, беконом, сахаром и несколько консервных банок с мясом, которые я «одолжил» на судовом камбузе. Все это вызвало что-то вроде смуты среди полуголодных людей. Мне было их очень жалко. Я был расстроен тем, что им приходилось жить в условиях, невероятно тяжелых по сравнению с западными стандартами. Я поклялся, что когда-нибудь вернусь в Россию, но это случилось только пятьдесят лет спустя. Я приехал в Россию в 1996 году и вернулся с русской женой Ларисой.

Мы знаем, что эскортные корабли Вашего конвоя потопили две немецкие подводные лодки. Хотели бы вы сейчас встретиться с уцелевшими немецкими подводниками и согласились бы вы пожать им руки?

Да, я бы очень хотел встретиться с выжившими немецкими подводниками, так как я считаю их исключительно храбрыми людьми, которые потеряли 85% своих товарищей во время войны. Я бы хотел также посетить *U-boat Memorial* в Германии и возложить венок в память о тех людях, которые погибли в атаках на наш конвой на лодках *U-365* и *U-387*.

Николас Монсаррат, автор книги *The Cruel Sea (Жестокое Море)*, вероятно, лучшего романа о конвоях, упомянул нескольких австралийцев, которые служили на корветах охраны. Знаете ли вы других австралийцев – участников арктических конвоев?

Я знаю, что были и другие австралийцы, участвовавшие в арктических конвоях, но мне не посчастливилось с ними встретиться.

Насколько военный опыт повлиял на Ваше решение стать католическим священником, принятое вскоре после войны?

Косвенно, я полагаю, мой военный опыт, в некоторой степени, повлиял на мое решение уйти в монастырь после войны. Я решил стать монахом и принять обет молчания в европейском монастыре, так как в Австралии в то время таких монастырей не было.

Страницы из автобиографической книги Лори Дауни

Мы оставили стоянку в Клайде и перешли в небольшую бухту Лох Ю к северу от Глазго. Это было место формирования конвоя *JW61*, состоящего примерно из тридцати судов. Наш капитан вернулся на корабль незадолго до выхода в море на небольшом буксире, доставившем его с последнего собрания капитанов всех судов, на котором разъяснялся порядок движения конвоя. Как только капитан взобрался на палубу, двое шотландских моряков из нашей команды спрыгнули на буксир, уже тронувшийся в обратный путь. Очевидно, рассказы о печальной судьбе многих судов на пути в Россию напугали их, и они решили дезертировать.

Конвой вышел в море 20 октября 1944 года. Эскорт состоял из трех авианосцев и нескольких эсминцев. Кроме того, советский ВМФ предоставил шесть судов охраны. Когда мы обходили Шотландию с севера, там, где Ирландское море сливается с Северным, погода испортилась так сильно, что почти все на борту свалились от морской болезни, включая даже капитана, который до этого провел на море двадцать пять лет. После того, как первый приступ морской болезни прошел, остальные стало переносить значительно легче... Они продолжались только час-другой. Мы шли

под углом примерно 45 градусов к огромным волнам. Тяжело нагруженный *Marathon* низко сидел в воде. Он проскакивал над двумя волнами, но тяжело ударялся о третью с грохотом, который сотрясал весь корабль... Вода заливала палубы, и иногда волны перехлестывали даже через трубу. Это был самый сильный шторм, который я когда-либо видел. Брызги захлестывали рулевое отделение, и деревянный мостик рулевого бросало из угла в угол вместе с рулевым. Однажды ночью я пришел на вахту у руля и обнаружил, что нактоуз и штурвал покрыты блевотиной. Пришлось смывать все это морской водой, которую я черпал с пола, сложив ладони ковшиком. В такой шторм подводной лодке было бы трудно осуществить торпедную атаку – это, по крайней мере, вселяло бодрость. Как только мы обогнули северную оконечность Британских островов, погода улучшилась, и мы вновь пошли со скоростью в десять узлов. До этого мы давали не больше семи...

Под охраной нашего мощного эскорта мы не понесли никаких потерь, хотя видели и слышали взрывы глубинных бомб и как-то заметили самолет-разведчик *Dornier*, который, вероятно, давал наши координаты торпедоносцам, но они так и не прилетели. Тройка наших эскортных авианосцев была эффективным средством сдерживания...

Большая часть судов конвоя повернула в гавань Мурманска, в то время как танкеры ушли дальше на юг в направлении Архангельска, где находился нефтеналивной порт. Вход в бухту был закрыт льдами, и нам пришлось следовать за ледоколом *Сталин*.

Персонал порта состоял из женщин, так как мужчины, в основном, были на фронте. Женщины быстро поднялись на наш корабль и начали подсоединять шланги к кранам для откачки топлива. Тело одной из них позднее нашли между двумя судами – она упала за борт, предварительно попробовав спирт из одной из цистерн нашего танкера...

Нефтеналивной порт, в котором танкер разгружался, носил название Молотовск. В километре от причала, в центре поселка, находился клуб иностранных моряков - Интерклуб. Местным разрешали общаться с нами только там. В клубе играла музыка, люди танцевали, работал киоск, в котором можно было купить пирожное, чашку кофе или стакан водки. Там же был небольшой кинозал. Я завязал дружбу с киномехаником Ниночкой, и она пригласила меня в крохотную кинобудку.

Мне было любопытно, и я подумал о том, что хорошо было бы попросить Ниночку отвести меня к себе домой, так как я хотел увидеть, как люди живут в этой коммунистической стране. Она согласилась, но, думаю, что из-за языкового барьера мои намерения были интерпретированы ей не вполне верно. Очевидно, что молодые женщины, работавшие в службе Интерклуба, нуждались в деньгах, продуктах и многом другом для своих семей, и иностранные моряки могли все это предоставить в обмен на постельные услуги. На корабле рассказывали о том, как некоторые ребята просыпались в чужих постелях и не могли найти своей теплой одежды...

Когда мы вышли из клуба, Ниночка пошла в нескольких метрах впереди меня, так как не хотела, чтобы ее видели с иностранцем. Время от времени она исчезала в подъездах домов, мимо которых мы проходили. Затем она осторожно выходила, убедившись, что ее никто не видит. Так мы подошли к двухэтажному деревянному зданию. Она взяла меня за руку и повела вверх по лестнице, затем по плохо освещенному коридору в комнату, где жила ее семья: мать, тетка, маленькие братья и сестры, должно быть, семь-восемь человек. Посреди комнаты был большой стол, в углу – занавеска, отгораживающая душ... В другом углу стояла двуспальная кровать. Кроме нескольких английских слов, которые Ниночка выучила в клубе, никто в комнате не знал ни слова по-английски, и поэтому пришлось объясняться жестами. Меня усадили между матерью и дочерью, и тут мы услышали, что кто-то поднимается по лестнице, и я почувствовал, что мне бы лучше быть где-нибудь в другом месте. Итак, меня взяли за руку, затолкали за занавеску в углу и жестами дали понять, что надо помалкивать. В это время в комнату вошел довольно рослый русский моряк и уселся на край двуспальной кровати. Детей выставили из комнаты, свет погас, и чья-то рука вывела меня из-за занавески и оттащила в коридор. Да, - подумал я, - кровать-то здесь место для добывания денег, а Ниночка – главный добытчик... Я сам добрал до корабля, благо Молотовск был совсем небольшим поселком...

Мне стало жаль русских людей. Жаль, что им приходилось жить так, чтобы выжить, да и суровая зима делала жизнь еще тяжелее. Еще один пример добывания денег я увидел через день или два, когда женщина из Интерклуба отвела в какой-то дом сразу нескольких ребят из нашей команды. Она, очевидно, была «сутенершей» и получала комиссионные. Я тоже пошел туда и,

войдя в дом, с удивлением увидел большую комнату и четырех девушек в кроватях, расставленных по углам. Мои товарищи сделали выбор, свет потушили, и я остался с «сутенершей», которая быстро выскользнула на улицу, испугавшись, что я выбрал ее...

Мы все еще стояли в Молотовске, когда со мной произошел несчастный случай. Капитан попросил боцмана наполнить бочку бензином с помощью небольшого ручного насоса. Боцман попросил меня помочь поставить бочку на две параллельные трубы. Когда она наполнилась, мы стали снимать ее, покрытая льдом бочка соскользнула и ее краем мне отбило кончик пальца на левой руке...

Одна из женщин-рабочих отвела меня в поселковую больницу, где в очереди на прием к врачу стояли тридцать-сорок человек. Пожилая женщина вышла из очереди и отвела меня за руку в ее начало. Думаю, ей стало жалко подростка с иностранного корабля. Она назвала меня *malenki*. Я достал несколько пачек американских сигарет, которые мы всегда носили с собой в качестве «валюты», и раздал их людям из очереди. Мне было приятно видеть выражение благодарности на их лицах...

Когда цистерны танкера были опорожнены, мы вышли в море вслед за ледоколом *Сталин* и направились в Мурманск, где должны были ждать нового конвоя в Великобританию. Много кораблей еще стояло под разгрузкой, так как танкеры разгружались значительно быстрее грузовых судов. Увольнения на берег в Мурманске мало отличались от молотовских. Все здания в городе были деревянными, и многие из них носили следы бомбежек. В начале войны город был практически разрушен. Здесь также был Интерклуб, правда, побольше, чем в Молотовске...

В обратный путь мы отправились в составе конвоя *RA62*, который вышел в море 10 декабря 1944 года. Конвой состоял из 29 транспортов, двух эскортных авианосцев, крейсера и нескольких эсминцев. Эскорт вышел в море раньше других для того, чтобы очистить выход из Кольского залива от немецких подводных лодок. На второй день плавания немецкая подводная лодка *U-365* торпедировала судно *Cassandra*, которое, однако, осталось на плаву и добралось до Мурманска задним ходом. Двенадцатого декабря норвежское судно *Tunsberg Castle* подорвалось на мине и затонуло. В тот же день вечером девять торпедоносцев Люфтваффе безуспешно атаковали конвой. Два самолета были сбиты зенитным огнем, причем один из них упал в воду в нескольких сотнях метров от нашего судна. Тогда я впервые испытал, что такое воздушная атака: до того дня наши конвои оборонялись только от подводных лодок. Небо было освещено от горизонта до горизонта разрывами снарядов и трассирующим огнем со всех судов конвоя. Мой пост был на носу – я подавал снаряды зенитному расчету, который сбил один из торпедоносцев. Меня трясло от страха, колени дрожали, и я ничего не мог сделать, чтобы унять эту дрожь. Никогда в жизни мне не было так страшно. Только в один момент мой страх улетучился, - тогда, когда я увидел падающий в море самолет невдалеке от нашего корабля. В первый раз в жизни я видел, как кто-то был убит. В этом бою самолет с одного из эскортных авианосцев потопил немецкую подводную лодку *U-365*. Еще одна лодка – *U-387*, была потоплена глубинными бомбами, сброшенными с британского корабля *Bramborough Castle*. Так, потеряв только одно судно, конвой записал на свой счет две потопленные подводные лодки и два сбитых вражеских самолета.

Остаток пути обошелся без происшествий, и мы прибыли в Лох Ю 19 декабря 1944 года, где присоединились к другому конвою, идущему в Нью-Йорк".

Интервью – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org